Проф. А. В. МИШУЛИН

ИСПАНИЯ В МИФОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ АНТИЧНОСТИ

I

Три европейских полуострова, далеко вытянувшиеся в Средиземное море, Балканский, Апеннинский и Пиренейский, как известно, явились местом возникновения древнейшей цивилизации и исходным пунктом развития европейской культуры. Замыкая Средиземное море с востока, запада и севера, эти полуострова образовали, по словам Энгельса, знаменитую «культурную полосу античности». Здесь, именно на Балканах, сложилась и расцветала древняя Греция с ее прекрасным эпосом и искусством, раскрывающим нам «детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее» (Маркс); на Апеннинах—культура древнего Рима, впитавшего в себя после заката Греции всё наследство эллинской цивилизации; на Пиренеях—своеобразная, хотя и мало развитая, но глубоко оригинальная по содержанию иберийская культура, с которой связана современная испанская цивилизация.

Более чем на протяжении века пытливый ум историка-исследователя изучал эти три очага древнейшей культуры, но до сих пор еще продолжают оставаться в глубоком тумане многие стороны истории этих рабовладельческих цивилизаций древности.

При изучении, например, древнейшей истории Балканского полуострова, обитавших здесь народов и соприкасавшихся с ними культур еще до сих пор продолжает оставаться загадкой, так называемая, эгейская культура, с ее нерасшифрованными письмами. Может быть, поэтому и тщетны все попытки современных ученых высказать свое категорическое суждение о характере эгейской культуры на основании только вещественных памятников. Понятно поэтому и благоразумие того историка, который, чувствуя определенный недостаток источников, чтобы не высказывать скороспело своих априорных, порой предвзятых социологических выводов, стремится избыток фантазии заменить спокойным и глубоким изучением загадочных письмен в ожидании открытия новых источников из недр земли.

Таким же белым пятном в исторической науке о древнем Риме является этрусская проблема, с ее тоже неразгаданным, хотя и читаемым, письмом. Развитие этруссологии ведет историка к одной из первых страниц древнейшей истории Апеннинского полуострова, латинизация или романизация которого могла явиться, конечно, фактом лишь последующего развития.

Наконец, особенное значение для исторической науки о древности приобретает изучение загадочной иберийской культуры древней Испании. Историк античности, находившийся долгое время под гипнозом образцов

высокоразвитой культуры древних Греции и Рима, как-то мало интересовался исследованием античной Испании, древнейшей культурой народов Пиренейского полуострова, в особенности иберов, оставивших в наследство современной цивилизации любопытнейшие памятники своего до сих пор неразгаданного письма, своеобразного искусства скульптуры и живописи, быта и культуры в широком смысле этого слова.

В рамках настоящей статьи мы предполагаем выдвинуть для советской исторической науки проблему древнеиберийской культуры, вопрос о широком изучении истории народов античной Испании, показавшей еще в глубокой древности в борьбе за независимость умение любить и защищать свою родину. Проблемы этногенеза народов Испании, характер иберийской культуры и языка в древности, героическая борьба испанских племен за свою независимость в лузитанской, кельтиберийской, нумантийской и серторианской войнах, такие знаменитые полководцы древней Испании, как Вириат, Гиртулей и Серторий, перешедший на сторону испанцев от римлян,—это большие вопросы, целая программа работы по исследованию античной Испании, социальных закономерностей ее развития в древности, ее революционных традиций в прошлом, без чего не может быть достаточно глубоко понята и героическая борьба республиканской Испании в настоящем.

Еще каких-нибудь сорок лет назад источники по истории античной Испании были разработаны очень слабо. Кроме нескольких монет и случайно найденных предметов искусства или свидетельств о древней Испании античных авторов, к тому еще не сведенных воедино в целях их изучения и использования, ничего другого историк почти не имел для своей исследовательской работы. Были только изданы латинские надписи Испании, а также собрание памятников иберийского письма. Латинские надписи Испании, изданные во II томе «Corpus Inscriptionum latinarum» Гюбнером (Inscriptiones Hispaniae latinae, 1869 г. и Supplementum, 1892 г.), представляли большую историческую ценность, но этот эпиграфический материал мог быть раскрыт во всем своем значении, как источник лишь в плане какого-либо исторического исследования и построения, а таких исследований почти не имелось в литературе по Испании до самого начала XX в. Изданное также Гюбнером собрание иберийских надписей (См. Hübner—Monumenta linguae Ibericae, 1878, v. 1) имело не меньшее, а может быть, большее значение, но неразгаданность иберийского письма всегда вызывала у историков досадное чувство. Только публикация Гюбнером скульптур Мадридского музея, далеко не полного и даже случайного собрания, в известной степени вознаграждала слабое изучение и недостаточное представление о древней Испании в науке XIX в. (см. Hübner—Die antiken Bildwerke in Madrid, 1862). До самого начала XX в. исследование Испании не было на должной высоте. Задачей историка должно явиться подведение итога скромной работы по Испании в XIX в., всё значение которой, главным образом, лишь в том, что она предваряет собою необычайный подъем исследования древне-испанской культуры в науке XX в.

Расцвету исследования Испании в начале этого столетия наука обязана прежде всего научному интересу самих испанцев к своей стране. Археологические экспедиции, которые заинтересовывают и французских, и английских, и немецких ученых, организация в Испании интернациональных археологических конгрессов (например, IV конгресса в 1929 г. в Барселоне, в 1930 г.—в Порто) по поводу новых находок и открытий, государственный контроль за экспедициями археологов и тщательный учет вновь открываемых памятников старины,—всё это явилось ярким свидетельст-

вом подъема в изучении памятников материальной культуры, которыми пополнены были в большом количестве залы Национального музея в Мадриде. Прекрасные коллекции этого музея стали публиковаться, подвергаться систематизации и изучению в целой серии интересных монографических исследований, из которых работы Paris, Mélida, Bosch-Gimpera и Schulten являются общеизвестными. Особенно заслуживает внимания одна из последних работ умершего в начале 30-х гг. текущего столетия Хозе Мелида, который, будучи долгое время директором Национального музея в Мадриде, опубликовал в 1929 г. систематическую сводку памятников материальной культуры в связи с историческим очерком археологии Испании (см. José Mélida, director del Museo Nacional de Madrid—Arqueologia Española. Editorial Labor S. A., Barcelona, 1929).

В настоящей статье мы знакомим читателя с выборкой некоторых из главнейших памятников античной Испании по изданию их в упомянутой книге Хозе Мелида. В XX в., наконец, появляются попытки дать монументальное издание свода сведений греческих и римских авторов об античной Испании по примеру «Monumenta Germaniae Historica» или «Славянские древности» Нидерле. Это предприятие под именем «Fontes Hispaniae antiquae» было в послевоенное время организовано барселонским университетом при участии испанского ученого Бош-Гимпера и немецкого испанолога Адольфа Шультена, работа которого, стоившая трудов всей долголетней жизни этого ученого, была оценена фашистами, в связи с приходом их к власти в 1933 г., отрешением Шультена от научной деятельности.

Первый том «Fontes Hispaniae antiquae», изданный в 1922 г., был посвящен тексту Авиена и его комментированию (см. «Fontes Hispaniae antiquae». Avieno Ora maritima. Edicion de A. Schulten, Barcelona, 1922); второй том вышел в 1925 г. и посвящен собранию свидетельств греческих и римских авторов за период от 500 г. до начала римской интервенции в Испанию в 218 г. до н. э. (см. «Fontes Hispaniae antiquae». Fasciculo II. 500 a. de J. C. hasta Cesar. Edicion de A. Schulten); третий том, вышедший через большой промежуток, в 1935 г., был посвящен периоду до нумантийской войны (см. «Fontes Hispaniae antiquae». Fasciculo III. Edicion de A. Schulten. Barcelona, 1935). Издание снабжено комментариями на испанском языке, но, к сожалению, без достаточного критического аппарата и индексов. В исторической науке еще не оценены эти первые томы издания источников по античной Испании, но уже сейчас можно сказать, что, несмотря на наличие некоторых недостатков этого издания, его ценность для исследовательской работы исключительна, ибо это издание экономит и облегчает трудоемкий процесс собирания и черновой обработки древних текстов, по крайней мере, для периода истории Испании до нумантийской войны.

Не приходится говорить о желательности дальнейшего подбора античных свидетельств, издания их для изучения более поздних событий испанской истории.

Если ко всему изложенному о выходе археологических публикаций и изданий древних текстов античных писателей еще указать на опубликованное в разное время большое количество статей, отдельные монографии и большие многотомные общие работы, как по истории Испании в целом, так и по отдельным ее периодам, то следует сказать, что эта историческая литература в XX в. не только на испанском, но и на других европейских языках становится необозримой. Обзор основной литературы дан в двух работах: Carpenter «The Greeks in Spain» и Mélida «Argueologia Española».

Сводки выходившей литературы как по истории Испании, так и по истории археологических открытий, систематически делались различными учеными; из них особенно следует отметить Лантье, который давал обзоры

всей исторической литературы по Испании, выходившей с 1900 г. вплоть до наших дней, на страницах журналов «Journal des Savants» и «Revue Historique». Отдельные сводки ее даются как в энциклопедиях Эберта и Паули-Виссова, так и в объемистом издании Кембриджской древней истории. Обширный документальный материал собран в III томе Теннея Франка «The economic history of ancient Rome».

Собранный к настоящему времени материал позволяет поставить ряд общих вопросов по истории древней Испании.

Самые ранние сведения об античной Испании теряются в общих и весьма туманных представлениях древних греков о неизвестной стране Запада или Вечерней Стране (Hesperia). Обычный способ мифологизирования явлений природы и общественной жизни, приводивший древних греков к сложным космографическим представлениям, сказался и на развитии греческих географических понятий. И здесь образ, символ, мифологическое мышление раскрывают нам весь комплекс того художественного воспроизведения понятий о древней географии, которое, по словам Маркса, представляло «бессознательную художественную обработку в народной фантазии» природы и общества. Это служило материалом греческой мифологии, и, следовательно, задачей изучения этой мифологической символики становится вскрыть, по возможности, всё то реальное и конкретное, что в ней содержится.

Если бы мы попытались привлечь греческую мифологию для изучения ранних представлений об Испании, то перед нами раскрылась бы интереснейшая картина космологических понятий, которыми мыслили древние, которыми они зафиксировали свои представления и что, наконец, позволяет нам теперь дать себе отчет о том, как Испания рисовалась в античном мифе, народных сказаниях, в распространенной тогда легенде об этой неизвестной стране.

Древнейшее представление об Испании связано с понятием «Hesperia», что значит страна Запада. Вероятно, под этим общим понятием скрывались все неизвестные страны к западу от Греции. В мифе «Поход аргонавтов» под Hesperia подразумевается страна, лежащая при море Авзонии, т. е. Италия (Apollod., III, 311; IV, 590, 660). Вергилий в «Энеиде» также передает нам древнее представление об Италии греческим мифом о Гесперии (V e r g.—Aen., 1, 573), хотя он уже при этом добавляет «Великая», в отличие от той Гесперии, которой обозначался также Иберийский полуостров, или Испания. Гораций в «Одах» для этой Гесперии дает определение «Дальняя» (Hesperia Ultima, см. «Оды», 1, 26). Не приходится говорить, что об этих странах Запада греки знали очень давно, но на заре своей истории представляли их в весьма туманной форме. Уже «Одиссея» знала об этих сказочных странах Запада и, в частности, об Испании как малоизвестной сказочной стране. Так, например, в десятой песне прямо говорится о некоей стране лестригонов, где ночи были коротки (Od., X, 86), где быстро солнце садится и начинаются «глубокотекущие воды Океана» (XI, 13) и, наконец:

> где пробегают светло беспечальные дни человека,
> где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает,
> где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
> с легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным.
> (IV, 566—569, пер. Жуковского)

Английский исследователь Карпентер, работавший специально над вопросом греческой колонизации и культуры в Испании, определенно относит вышеприведенные места из «Одиссеи» к раннегреческой характе-

ристике Испании (Rhys Carpenter—The Greeks in Spain, p. 1—2, 1925).

В гомеровском эпосе еще нет термина «Гесперия»; он появляется позднее, в связи с продвижением греков на запад и более конкретным знакомством с ним. Пока Италия оставалась неизвестной, она тоже фигурировала под этим общим термином, но по мере ознакомления с ней, в чем финикийцы сыграли, очевидно, не последнюю роль, понятие Hesperia диференцируется, и Испания начинает фигурировать отдельно от Италии как Hesperia Ultima. Отсюда становится понятным, почему Испания, как страна далекого Запада, связана с космогоническим понятием Hesperos. Ведь это понятие в античном мифе представляет вечернюю звезду в противоположность утренней звезде, которая фигурирует под термином Phosphoros. Весь мир в понятиях древнего грека как бы замыкался между этими Hesperos и Phosphoros, между вечерней, или западной, и утренней, или восточной, звездой. Два мальчика с горящими факелами в руках, символизировавшими собою эти две звезды Запада и Востока, являлись как бы исходным моментом не только космогонического представления греков по части географии, но в некоторой степени и действительного расширения греческих познаний о странах, лежащих в стороне захода или восхода солнца. Известно, что миф об аргонавтах дает нам картину путешествия на Восток, где горела звезда Phosphoros, являвшаяся для Язона в его путешествии в Колхиду путеводной. Может быть, историческим оправданием этого «мифотворческого» движения на Восток в раннюю пору греческой истории явилось в известной степени и то обстоятельство, что милетские отважные моряки, пережившие в своем продвижении не одно приключение в Дарданеллах, Боспоре и Понте Эвксинском, уже дали материал для народной фантазии, как и для действительного интереса к странам Востока.

Но легенды, как и цивилизация, говорит Карпентер,—в начальную пору человеческой истории двигаются к Западу. Следующее поколение греческих героев после аргонавтов плывет на Запад, как и сама греческая культура имеет позднее тенденцию развития в сторону Запада. Одиссея, знавшая об опасностях Дарданелльского пролива, рассказывает уже нам не о нем, а об утесах Сицилийского пролива, делает очаровательную нимфу Калипсо героиней одного из островов Средиземного моря, рассказывает об идиллической жизни африканских оазисов, с их лотофагами и финиковой пальмой, и, наконец, о похищении священных быков Гелиоса, имевшего, согласно античной мифологии, свое царство и прекрасный дворец на далеком Западе, как и Герион в мифе о Геракле.

Многие из героев поколения Одиссеи и после нее связываются с дальним Западом, с Гесперией, следовательно, и с Испанией. Поэмы Гесиода и эпиникии Пиндара наполнены эхо сказаний об этих героях. Миф об Атланте, сыне Гесперoса (Ovid.—Met., IV, 630; Diod.—III, 60), не только локализует события у испанских берегов, но и символизирует собой какую-то западную цивилизацию племен, с которой, повидимому, греки знакомились посредством финикийских торговых сношений. Для нас миф об Атланте имеет большое значение, ибо он, как это еще заметил Maury (Hist. des Rel., I, pp. 107, 364), является мифом географическим. Продвижение греков на запад, ознакомление их с африканским и испанским побережьем, расширяет круг географических понятий, терминология которых продолжает еще связываться с античным космогоническим мифом о стране вечерней звезды, о Гесперии. В далекой Африке на берегу Киренаики возникает город Гесперис (впоследствии Вероника; Страбон—XVII, 3, 20) с лежащим поблизости озером Гесперид. Знаменитые Гесперид, миф о которых включен в один из подвигов Геракла, также локализует географически события на Западе, там, где Атлант держал небо. В этом отношении

весьма любопытной является постановка вопроса Карпентером о том, какова реальная основа сказания о золотых яблоках Гесперид. «И если только исторически невозможно, чтобы апельсиновые деревья Испании с их прекрасными плодами рождали тогда те самые золотые яблоки, за которыми путешествовал Геракл на Запад, то, во всяком случае, ведь только Марокко или Испания могли быть той страной, где Атлант держал небо» («The Greeks in Spain», p. 2). Для эпохи, когда складывался этот миф, конец света на Западе, где Атлант смыкал собою небо и землю, локализировался именно на линии Марокко и Испании. Дальнейшее географическое расширение греков связано уже с проходом их за столбы Геракла, в открытый Океан, в тот новый и неведомый мир, который представлен Платоном в знаменитом сказании об Атлантиде. Наконец, самой западной точкой Гесперии, которую только знали античные греки, была Ἑσπέρου ἄκρα т. е. тот «западный мыс» Африки, от которого, по ошибочному представлению, начинался южный берег Африки и у которого, по Страбону (III, 2, 13), находились острова Гесперид, ныне острова Зеленого мыса.

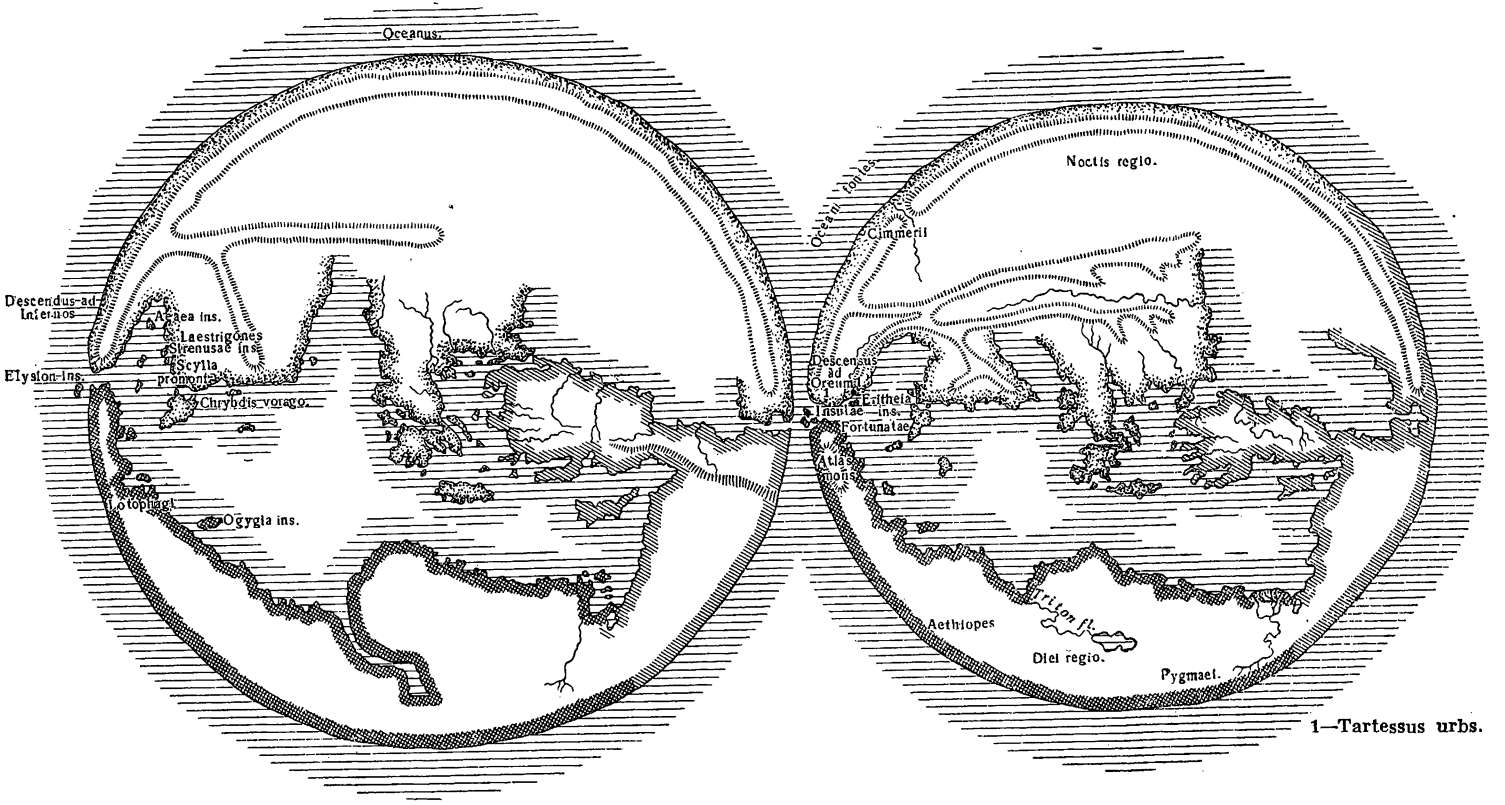
Вряд ли можно считать, что все эти мифологические данные древних авторов в настоящее время достаточно исследованы для установления постепенного расширения круга представлений народов древности о странах Запада, а также об Испании, которая, главным образом, и фигурировала, как западная страна, Hesperia. Поэтому задачей науки является дальнейшее исследование того, какие исторические и реальные понятия древних могли, своеобразно преломляясь в народной фантазии, облекаться в форму мифологических сказаний.

Насколько позволяют судить более поздние сведения о путешествиях греков в эпоху Пиндара и Геродота, есть всё же некоторые основания утверждать, что в основе мифологических представлений о древней Испании лежат некоторые исторические черты.

Известно, что во времена Пиндара путешествия уже не представляли ничего сложного. Как правильно утверждает Карпентер, отчеты мореходов о столбах Геракла, об африканском и испанском побережье действовали на поэта и заставляли его отображать их в поэтическом творчестве. Именно эти экскурсы Пиндара в страны Запада говорят о том, что в дни создания мифа о Геракле греки, очевидно, плавали до Майнаки и Кальпо, тогда как по ту сторону столбов Геракла греки еще не показывались, и там море находилось в других торговых руках. Следовательно, можно согласиться с мнением А. Шультена («Tartessos», Hamburg, 1922, S. 50), что оды Пиндара являются, в известной степени, свидетельством изменившегося положения вещей, в связи с началом больших и дальних путешествий на Запад. Но в этот период все понятия греков о странах, лежащих на Западе, создаются под большим влиянием карфагенских мореплавателей, передававших в своих путешествиях различные измышления о морских чудовищах, безднах, мелях и т. д., следы чего можно вскрыть во многих одах Пиндара (Olymp., 3, 44; Nem., 3, 21; 4, 69; Isth., 3, 31). При всем этом очень важно, замечает Шультен (ibid., S. 50—51), подчеркнуть, что у Пиндара определенно указывается, что «столбы Геракла» являются еще в этот период пределом древнегреческих познаний о Западе, географической границей мира со стороны Запада. Данное положение Шультена следует принимать с большой осторожностью, ибо оно несколько противоречит мифологическим сказаниям у Гесиода, позволяющим допустить наличность у греков более раннего периода представления о том, что находится по ту сторону столбов Геракла, и об этом сам же Шультен вынужден говорить не один раз.

Пиндар является вехой в истории сношений греков с Западом в том

ВИДЫ ЗЕМЛИ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ
ГОМЕРА И ГЕЗИОДА

1—Tartessus urbs.

смысле, что с конца VII и в особенности в VI в. мы, действительно, сталкиваемся с историческими фактами греческих путешествий в Hesperia и образованием греческих колоний в Испании.

Известен прежде всего рассказ Геродота (IV, 152) о том, как восточный ветер занес самосца Колэя, направившегося в Египет, далеко к столбам Геракла и там прибил его к городу Тартессу. Отнесение этого факта к концу VII в. является общепризнанным, при этом Карпентер («The Greeks in Spain», p. 6) позволяет себе датировать этот факт более точно, 630 годом до н. э. Таким образом, самосцы предпринимали экспедиции далеко на запад, по ту сторону Гибралтара, к столице известного царства Тартесса, лежавшего, по мнению большинства ученых в Испании, в устьях реки Гвадалквивира. Другое свидетельство о раннем путешествии в эти страны передает нам Юстин (43, 3). Его рассказ об ионическом городе Фокее, отправившем торговую экспедицию на запад в конце VII в., вполне совпадает с повествованием Геродота, который фокейцев, до разрушения их города Гарпагом Лидийским (около 540 г.), считает «первыми из греков, предпринявших столь далекие путешествия» (1, 163).

«Фокеяне—продолжает Геродот—прежде всех эллинов стали совершать далекие путешествия по морю, открыли Адриатический залив, Тиррению и Тартесс; для этого они пользовались не круглыми судами, а пятидесятивесельными. В Тартессе они снискали себе расположение тартесского царя по имени Аргантония, царствовавшего в Тартессе восемьдесят лет и прожившего не менее ста двадцати лет. Фокеяне так понравились Аргантонию, что он предложил им покинуть Ионию и поселиться в его земле, где им угодно, но ему не удалось склонить их к этому. Узнавши от фокеян, как велико могущество мидян, Аргантоний дал им денег на возведение стен кругом города и дал щедро, ибо в окружности стена их имеет много стадий, вся сложена из больших хорошо приложенных камней» (Геродот—1, 163). Этот эпизод, по мнению Карпентера, может быть датирован серединой VI в. В 540 г., по Геродоту, Аргантоний умер, и Кир стал угрожать ионийцам. После порабощения последних персами часть эмигрировала на Корсику, в их колонию Алалию, где, постоянно нападая, их притесняли этруски. После этого ионийцы отправились на юг Италии и образовали колонию Велию, которая потом и процветала.

Период фокейской торговли в Испании продолжался менее столетия, может быть, около 80 лет, в течение которых фокейцы познакомились с древнейшим царством Испании, Тартессом, с его «серебряным человеком», царем Аргантонием. Поскольку лишь столетие отделяло традиционную дату первого смелого путешествия самосца Колэя от даты сражения при Алалии, когда этруски и карфагенцы имели успех и положили конец силе и могуществу фокейцев на Корсике и на Западе вообще,—то первый период испанской торговли древних греков мы могли бы установить на протяжении именно 80 лет, т. е. в 620—540 гг. до н. э.

К сожалению, для этого периода, у нас очень мало исторических свидетельств, поэтому данную страницу раннегреческой торговли, соприкосновения греков с далеким Западом и образования на Испанском побережье первых греческих факторий следует еще считать незаполненной историческим исследованием. Но эта страница для нас, безусловно, интересна, она побуждает к творческому исследованию, она ставит для нас ряд вопросов, в связи с археологическими памятниками древнегреческой культуры, ее влияния в Испании, на Корсике, в Италии, и в особенности в иберийской и этрусской культуре. Недостаток литературных свидетельств должен быть таким образом восполнен изучением сохранившихся памятников материальной культуры по преимуществу.

II

Другой интересной проблемой исследования древнейшей Испании следует признать вопрос о Тартессе, как самом раннем центре испанской культуры. И в этом вопросе первоначальные сведения о Тартессе заставляют нас обратиться к мифологии, к раскрытию греческих представлений о Тартессе в античной легенде. Мы не можем обойти известного мифа о десятом подвиге Геракла, этого, по словам Карпентера, «полуиспанского героя». Десятый подвиг Геракла протекает на далеком Западе, в стране крылатого, о трех головах, или, по другой версии, о трех туловищах, великана Гериона, сына Хрисаора и Каллирои. Согласно античной легенде, Герион царствовал на острове Эритее, владел стадами прекрасных быков и слыл за непобедимого исполина. Гераклу было приказано достать этих быков, и он отправился в далекую страну Гериона. Герой достигает Эритеи, убивает стерегущего быков пастуха вместе с его собакой, угоняет стадо быков и при встрече с самим Герионом убивает последнего своими меткими стрелами. Затем Геракл, подчинив Иберию (Испанию) своим законам и овладев стадами знаменитых быков, отправился пешком через Иберию, Галлию и Италию к себе домой в Аргос (Гесиод—Теог., 287—294; Диод.—IV, 18; Аполлод.—II, 5, 10; Павсаний—V, 19, 1).

Старые исследователи античной мифологии, как Крейцер и Мори, считают, что в основе этой легенды лежат финикийские сказания о Мелькарте—финикийском Геракле, в мифе о котором, под видом аллегорий и сказок, передавались летописи действительных событий , именно открытие, а затем овладение неизвестной ранее страной за столбами Геракла, страной плодородной и богатой. (Kreuzer—Symbolik, II, 688; IV, 451; Maury—Hist. des religions (1, 527—548). Финикийцы, вероятно, открывают Гибралтар, страны за ним, основывают Гадес (Кадикс), и лежащий против него остров (ныне остров св. Леона) и был той мифической Эритеей, с которой связано десятое приключение Геракла. С этой точки зрения, ранее всех познакомившиеся с Испанией финикийцы передают о ней сведения грекам под покровом аллегорий, различных мифов, причем греки эти сказания о финикийском Геракле—Мелькарте—переносят на своего Геракла, мифологические сюжеты о котором в греческой мифологии в основе своей, таким образом, остаются финикийскими. Некоторое основание для такого вывода дает и Геродот, который во II книге сообщает нам о храмах, посвященных финикийскому Гераклу в Тире и на острове Фасосе. Любопытно, что все эти храмы строились более, чем за пять поколений до того, как, согласно греческой мифологии, родился Геракл греческий.

Таким образом, в плане такого истолкования десятого подвига Геракла, события всеми исследователями греческих мифов локализуются в Испании, причем именно с данным мифом некоторые ученые связывают основание финикийской колонии Гадеса около 800 г. до н. э. на месте царства Гериона.

Против такого представления о Гадесе, как первоначальном пункте древнеиспанской цивилизации, выступил А. Шультен, выдвинувший теорию Тартесса—древнейшего очага культуры на Иберийском полуострове (см. его «Tartessos», Hamburg, 1922, S. 43—49). Для доказательства того, что миф о Герионе или о Фероне (или Героне) раскрывает нам именно царя Тартесса с его богатствами, которыми прельщались финикийцы еще до того, как основан был Гадес, Шультен привлекает очень большой, как мифологический,так и исторический, материал. В частности, автор «Tartessos» использует прямое указание Макробия (Macrob.—Saturn., I, 20, 12) о Фероне, царе испанском, и Юстина (Justin.—44, 5, 1) о борьбе

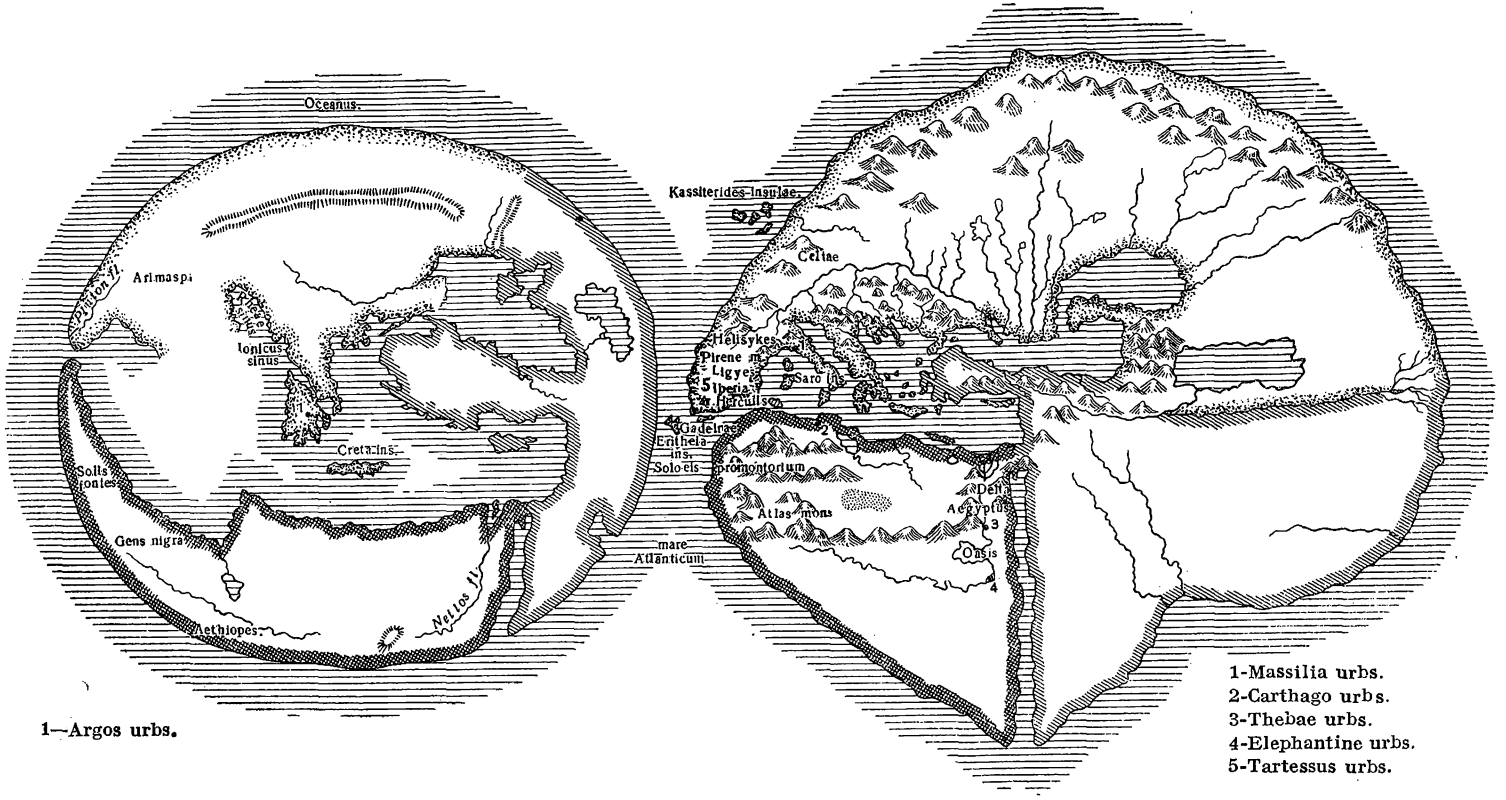
иберов, т. е. испанцев, с карфагенянами в связи с тем, что был основан Гадес, который вскоре нарушил добрососедские отношения с Тартессом.

Шультен остроумно доказывает, что миф о Герионе, его стадах быков, за которыми так охотился Геракл, является, таким образом, отзвуком сказаний не о Гадесе, а о Тартессе. Об этом последнем, как об известном городе, сообщают нам еще ассирийские надписи, приводимые Шультеном в первом томе «Fontes Hispaniae antiquae», библейские свидетельства, также собранные в этом томе, наконец, самые ранние греческие свидетельства (около 600 г.) таких авторов, как Стесихор, или, позднее,—Анакреонт, Геродот, Аристофан и др. Таким образом, не подлежит сомнению, что Тартесс являлся в глубокой древности первым по известности городом Испании. Далее, автор убедительно доказывает, что именно с этим городом связано сказание о Герионе, о чем свидетельствует также ряд античных писателей (см. его «Fontes Hispaniae antiquae», cetera testimonia, p. 155; также «Tartessos», S. 19). Наконец, Шультен настаивает даже на том, что сказание о Герионе с его стадами быков есть отзвук о Героне, царе Тартесса, вполне историческом деятеле. Для доказательства Шультен ссылается на упоминавшихся уже нами Макробия, Юстина, далее Авиена, свидетельствующего в своем «Ora maritima» даже о крепости Геронта («arx Gerontis»; A v i e n—263, 304), наконец, приводятся косвенные свидетельства, как, например, Силия Италика о том, что имя Феронт (потом Геронт) было известно в Испании и, в частности, его носил один из юношей, участвовавший в состязании в беге перед Сципионом (P u n. 16, 476). «Кто теперь не видит,—восклицает Шультен,—что Герон идентичен с Герионом или Геринейсом греческого мира?» («Tartessos», S. 19). Перебирая ряд других свидетельств античных писателей, автору «Tartessos» удается убедительно иллюстрировать, что миф о десятом подвиге Геракла в Испании ведет нас к Герону, как историческому царю Тартесса, и к Тартессу, как древнейшему и изначальному пункту испанской цивилизации.

В исторической литературе хорошо разработан вопрос о том, где следует фиксировать местоположение Тартесса. Античные источники, от мифологических до исторических свидетельств, в достоверности которых нет основания сомневаться, определенно показывают, что Тартесс находился в Иберии. Никакого бы вопроса не возникало, если бы существовали также и археологические памятники в дополнение к свидетельствам античных писателей. Однако все предпринимавшиеся до сих пор археологические разведки, в том числе и экспедиция А. Шультена, проведенная в трех больших кампаниях на протяжении последних двадцати лет, ни к каким положительным результатам не привела. Следов Тартесса в устье Гвадалквивира, где обычно локализуется этот древнейший центр иберийской цивилизации, не было найдено. Большая экспедиция Шультена открыла лишь скромные остатки рыбачьей деревни да одно магическое кольцо из меди с архаической надписью VI в.! «Воистину, говорит по этому поводу проф. Мюлештейн,—это не оправдывало ни громадных затрат на эту «научную» кампанию, ни объемистой книги, которую Шультен написал по этому поводу...». «Этой работы впустую можно было бы избежать, если бы ученый археолог не поленился ознакомиться с самыми элементарными данными геологии». Эти слова цюрихского профессора Мюлештейна мы берем из его статьи в недавнем номере (№ 4/5) «Вестника Древней Истории», в котором автор коснулся вопроса о местоположении Тартесса в связи с общей и сложной проблемой об этрусках и их культуре.

«Все ученые, искавшие Тартесс, начиная от античных и до нынешних, стали жертвой.... передвижки имен у греков» (ВДИ, № 4/5, стр. 55). Древнейшие названия: «Таршиш», как и имена «Атлас», «Атель», «атлан-

ВИДЫ ЗЕМЛИ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ
У ЭСХИЛА И ГЕРОДОТА

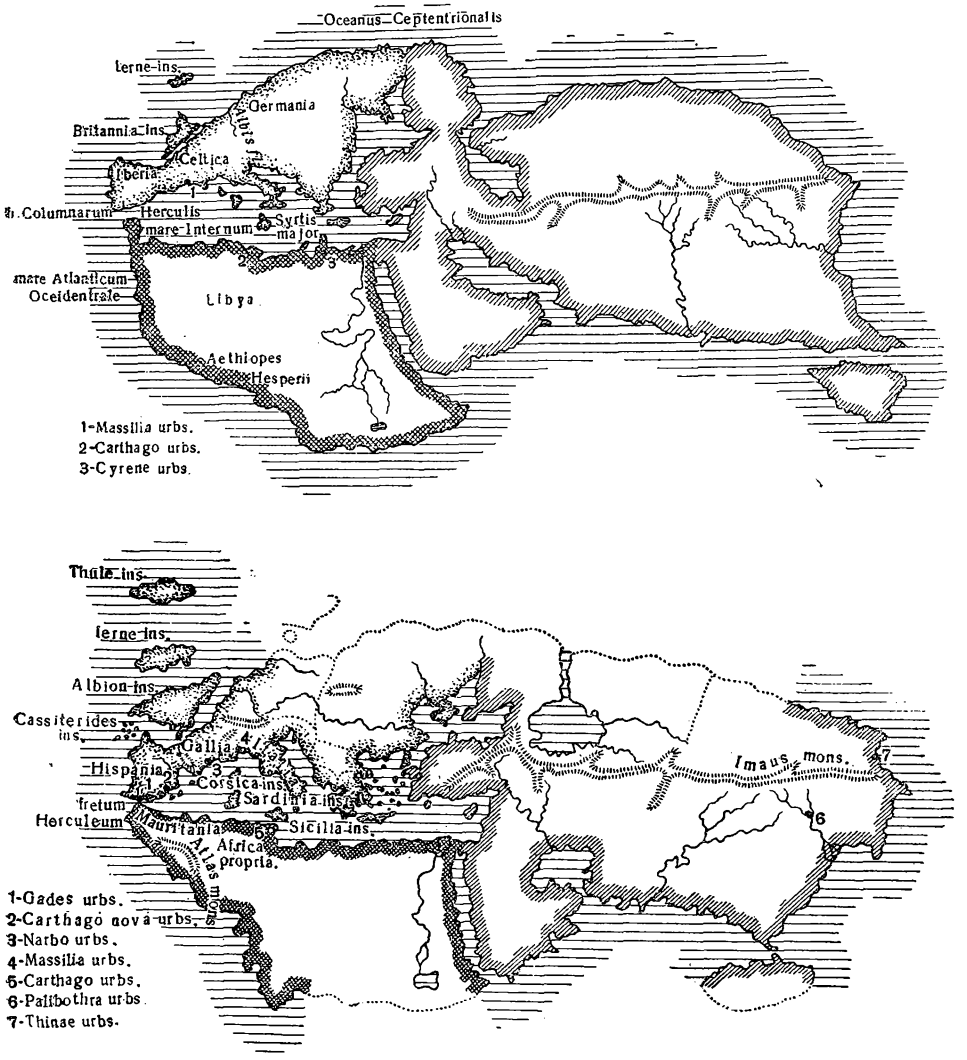
тический», по мнению Мюлештейна, переместились на Запад позднее, во время всеобщего передвижения географических имен у позднейших греков, согласно их расширенной картине мира. «Точно таким же образом переместились на Запад многие другие имена, например, «Геркулесовы столбы», за которыми все известные источники помещают Тартесс» (ibid.). Исходя из такой посылки о передвижке имен у греков по мере их продвижения на Запад, а также из некоторых гидрогеологических данных в книге Германа о местности Тартесса, Мюлештейн приходит к выводу, что этот культурный центр древней цивилизации надо искать не в устьях Гвадалквивира, а в Тунисе, в районе озера Тритон! Географические, геологические и гидрографические условия именно здесь, согласно Герману, более соответствуют описанию Тартесса у античных писателей (см. A. Herm a n n—Die Erdkarte der Urbibel, Berlin, 1931). В указанной статье, напечатанной в ВДИ (№ 4/5), Мюлештейн принимает эту точку зрения Германа, имея своей задачей доказать единство этнического состава населения «тритонской» или «атлантической» группы народов с первоначальным центром в южнотунисской области северо-западной Африки. Таковым населением при этом, по Мюлештейну, были «турша» или «тирсены», т. е. этруски. Следовательно, «Тартесс», т. е. название искомого культурного центра, означает не что иное, как город Тарса, т. е. «город этрусков», поскольку нам известно, что «Тарс» рассматривается, как этнический признак, и этрусское божество «Тарсу» определенно встречается у этрусков. В заключение своей теории нового местоположения Тартесса автор делает вывод, что искомый культурный центр «следует искать в северо-западной Африке, в области атлантов и амазонок, т. е. у озера Тритон» (стр. 53).

Относительно этой теории Мюлештейна следует заметить, что она за собой не имеет хотя бы тех скудных археологических данных, которые всё же имеются у Шультена для Тартесса в Иберии, не говоря уже об античных свидетельствах, которые больше говорят за Шультена, чем за Германа—Мюлештейна. Авторы новой теории все доказательства местонахождения Тартесса в Африке подчиняют, очевидно, тому, чтобы непременно там установить этрусскую культуру и этрусков. Таким образом вопрос о Тартессе в этой теории имеет чисто служебное значение для решения проблемы, откуда происходят этруски. Бедные этруски! Откуда только их ни выводили, где их только ни искали! Непонятно только одно. Если Мюлештейн согласен находить этрусков не только в Малой Азии, на Крите, в Африке, то спрашивается, почему бы в таком случае отрицать, что этруски могли быть и в Иберии, в устье Гвадалквивира? Ведь в таком случае не приходилось бы, вопреки данным античных писателей, заниматься пересадкой Тартесса из Иберии, с которой он связан, в Африку, в Тунис, где для него, кроме «гидрогеологических» условий, никакого другого более или менее подходящего доказательства пока придумать не удается. Тем более, что у греков, по справедливому замечанию Мюлештейна, наблюдалась передвижка имен. Ведь эта передвижка имела свои основания. Если с озера Тритон этруски были передвинуты, в связи с расширением географических познаний греков, в Иберию и туда было передвинуто имя Тартесс, как «города этрусков», то, следовательно, передвигались не только имена, но и культурные центры. Тем более, что в Иберии такими этрусками или находившимся на этрусской стадии культурного развития могли быть турдетаны, жившие в области традиционного Тартесса. А между тем анализом как этногенеза турдетан, так и их культуры Мюлештейн не занимается, тогда как это могло бы опрокинуть всю его искусственно построенную теорию.

Если, по ироническому замечанию Мюлештейна, для утверждения

Тартесса в Иберии вряд ли Шультену требовалось писать целую монографию, то для утверждения этрусков в районе озера Тритон, прямо сказать, вряд ли Мюлештейну требуется ликвидировать Тартесс в Испании и искусственно создавать его в Африке.

ВИДЫ ЗЕМЛИ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ
у СТРАБОНА (наверху) и ЭРАТОСФЕНА (внизу).

Таким образом, в отношении Тартесса, как древнейшего центра западной цивилизации, существуют в настоящее время три точки зрения: одна помещает его в устье Гвадалквивира (Шультен—традиционная версия), другая—в Гадесе (Крейцер, Мори), третья—в Африке (Герман, Мюлештейн).

Не представляет никакого сомнения значение этой проблемы Тартесса, искать ли его в устье Гвадалквивира, или в Гадесе, или даже в Африке, ибо Тартесс, несомненно, явился исходным пунктом цивилизации, сложившейся в древней Испании.

Последний вопрос, связанный с исследованием того, как понятия о

древней Испании слагались в античную легенду, в ту раннюю пору, когда связи греков с Западом были еще нерегулярными,—это миф об Атлантиде, стране атлантиев, и исторических основах этого мифа.

Следует отметить, что Атлантида Платона, прекрасно рассказанная им в виде мифа о сказочной и неизвестной стране Запада, породила целую специальную литературу, в которой перо и историка и романиста старалось докопаться и вскрыть хотя какие-нибудь черты реальной действительности или в какой-либо степени конкретное представление об Атлантиде. А между тем, этот миф связан с расширением греческих представлений о мире, в частности, о Западе и, как некоторые ученые предполагают, о древнейшей Испании.

В литературе по исторической географии, начиная с конца XVIII в., представлены различные точки зрения на то, где следует искать Атлантиду. Маннерт (M a n n e r t—Geographie der Griechen und Römer, Nürnberg; 1788, S. 230) определенно опровергал столь популярную среди ученых второй половины XVIII в. теорию, что под Атлантидой Платона нужно разуметь американский континент, ибо никаких сведений об Америке древние, конечно, не имели. По мнению Маннерта, сказочную страну древние помещали на одном из Канарских островов (?). Жибра (M. G i b r a t—Géographie ancienne sacrée et profane, Paris, 1790, v.I, p. 40—43) готов был искать у Ирландии или даже Скандинавии, что, несомненно, являлось чистой фантастикой автора. Госслен (G o s s e l i n—Recherches sur la géographie systématique et positive des anciens, Paris, 1797, v. I, p. 143—146) помещал Атлантиду на одном из Канарских островов, до которых еще финикийские корабли могли свободно добираться. Насколько неестественны были исторические и географические теории о местоположении искомой страны, явствует из мнения Жоли (J o l y—L'ancienne géographie universelle, comparée à la moderne, Paris, 1801, v. II, p. 426—430), который упорно склонялся еще в начале XIX в. к фантастической мысли об Атлантиде в Америке. И, наконец, несколько особняком стояла теория Латрейля (M. L a t r e i l e—Mémoires sur divers sujets de l'histoire naturelle des insectes, de géographie ancienne et de chronologie. Paris, 1819, p. 196—222), который полагает, что сказочную страну Платона надо искать у Кавказских гор, в районе города Тавра, и устанавливает ее в ... Персии!

В связи со всеми этими теориями, распространявшимися вплоть до начала XX в., А. Шультен восклицает: «Трудно понять,что Атлантиду искали везде, даже на Шпицбергене и в Америке, но только не в Тартессе. И это было очень нелогично, потому что тот, кто вообще приписывает мифу реальность, должен был бы искать Атлантиду не в неизвестных, а в известных местах. Но этот ложный путь объясняется из той литературной антитезы о Тартессе, благодаря которой современные ученые разрушили духовно то, что некогда карфагеняне разрушили материально» («Tartessos», S. 56).

Резкая критика Шультеном старых теорий об Атлантиде исходит из довольно стройной его концепции, согласно которой в мифе о сказочной стране Платона утверждается определенно наличие отзвука сказаний о Тартессе, об этом древнейшем центре в Испании, об его богатствах и т. п. Тартесс в это время был уже разрушен финикийцами, и на его место теперь выдвинулся в Испании Гадес (Кадикс). Около 500 г. Тартесс лежал уже в развалинах, и последним свидетелем его процветания, культуры был тот массалиот, который написал Перипл, легший в основу «Ora maritima» Авиена. Яркий блеск нового испанского центра—Гадеса—после падения Тартесса как бы затмил последний, его прошлое и даже самое имя Тартесса. Более того, некоторые античные писатели, жившие представлениями о Тар-

тессе, стали переносить эти представления на Гадес, и отсюда некоторые ошибки, по мнению Шультена, как, например, ошибка Геродота, располагающего остров Эритею πρὸς Γαδείρας, тогда как это больше подходит к Тартессу, ибо перед устьем Гвадалквивира находится остров. Но еще Фукидид правильно повествует, что Геракл пустился путешествовать в Тартесс. Следовательно, по Фукидиду, Эритею надо искать не у Гадеса, а у Тартесса, ибо то и другое не совпадает. Этот остров в устье Гвадалквивира, вероятно, так же потерял свое значение, как постепенно терялся в памяти погибший Тартесс. Но воспоминание о его роли, очевидно, перенеслось на Гадес, что явилось источником ошибок.

Так проходило время, всё меньше и меньше знали о забытом городе у океана, и всё более работала деятельная фантазия греков о чудесной исчезнувшей стране Запада. Глубокие впечатления греков, вынесенные ими о Тартессе еще во время путешествий туда фокейцев, о чем сообщает нам Геродот, могли, действительно, послужить материалом для того позднейшего греческого мифа, который передан Платоном в двух диалогах и связан с Атлантидой (П л а т о н—Критий, 113—121; Тимей, 24c—25d).

Исследования Шультена о массалиотском Перипле, легшем в основу «Ora maritima» Авиена, о Тартессе, где автору удалось использовать как мифологический, так исторический материал, притом впервые систематизированный в столь стройной, хотя и не совсем убедительной исторической концепции, наконец, долголетняя археологическая работа этого ученого и изучение им исторической географии Иберийского полуострова,—всё это дало основание Шультену выставить гипотезу, что в мифе об Атлантиде сохранилось туманное представление о Тартессе, об этом древнейшем и богатом центре испанской цивилизации, погибшем в связи с финикийским завоеванием и основанием Гадеса.

Посмотрим, насколько это подтверждается описанием сказочной страны Запада у Платона. Атлантида, по Платону (Тимей, 24e; Критий, 114) лежит на острове Атлантического океана перед столбами Геракла и около Гадеса. Но за столбами и около Гадеса лежал как раз Тартесс, и именно на острове, омываемом рукавами дельты Гвадалквивира. Далее, у Платона указывается, что богатство атлантидов покоится прежде всего (πρῶτον— Критий, 114 e) на металлических сокровищах туземных гор. Это утверждение также вряд ли взято с воздуха, ибо как раз царство Тартесса в эпоху «серебряного человека», их царя Аргантония, жило в греческих понятиях, как царство больших металлических богатств (золота, серебра, меди).

Следующий момент, происхождение Атлантиды от Посейдона (Критий, 113c; 116c), может быть связан с рядом тартесских царей, которые предстают перед нами так же, как сыны Океана.

Описание страны, города атлантидов (Критий, 118 a—c), который расположен на широкой продолговатой равнине, спускающейся круто к морю,— всё это также могло бы подходить к Тартессу. Наконец, картина внутренней жизни Атлантиды, нарисованная Платоном применительно к шумному, деловому городу, с его складами, стоящими у берега судами, корабельщиками, невольно заставляет вспоминать самый крайний на Западе и известный грекам по рассказам культурный центр—Тартесс.

Даже описанные у Платона талассократия атлантидов, город за крепкими стенами и башнями (Критий, 116 a), гавани и верфи (115 c, 117 d), храм у моря (119), богатство не только металлами, но и растениями и животными, особенно быками (Критий 119 d, 114 b—вспомните быков Гериона), престарелые цари атлантидов (Критий 114b—вспомните Аргантония, жившего 120 лет),—всё это Шультен относит в Тартессу, поскольку это описание Платона во многом совпадает с тем, что дают Авиен, Геродот, Страбон применительно к Тартессу. «При таком совпадении в столь многих,

ни к какому месту не подходящих так, как к Тартессу, чертах, можно вполне утверждать,—говорит Шультен,—что Платон, описывая свою Атлантиду, думал о Тартессе». Никто, конечно, не будет требовать, чтобы все черты Атлантиды подходили к Тартессу, поскольку так же мало все черты гомеровской Трои совпадали с Троей исторической... Ведь поэт всегда накладывает на свою картину краски, смешивая поэзию с действительностью...» («Tartessos», S. 55).

Такова, в противоположность всем другим, попытка исторической интерпретации Атлантиды в гипотезе вышеназванного ученого, который, конечно, имел некоторые основания сопоставить поэтическую Атлантиду с историческим Тартессом, как Трою поэтическую с Троей исторической. Неудача археологических разысканий Тартесса Шультеном объясняется вовсе не тем, что этот ученый «поленился ознакомится с данными геологии», а необычайной трудностью производства изысканий в прибрежной полосе Атлантического океана, где последний, как известно, поднялся в своем уровне до двух метров. Но чтобы Атлантиду сделать исторической и связать ее с Тартессом, нельзя не пожелать Шультену завершить дальнейшие изыскания подвигом Шлимана, и, кроме прекрасного критического анализа данных античных писателей, попытаться еще открыть Атлантиду в археологических раскопках Тартесса.

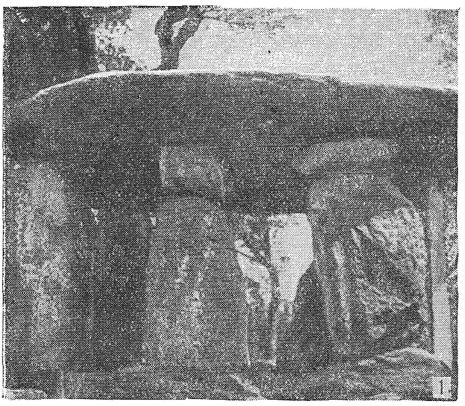
Таково состояние в современной науке интересного вопроса о западном царстве Атлантиды, которое в античной мифологии представляет, повидимому, отзвук сказаний о какой-то известной в древности цивилизации на Иберийском полуострове, по ту сторону столбов Геракла.

Изучение древней Испании, происхождения цивилизации на Иберийском полуострове немыслимо без всестороннего учета самых различных источников, в том числе—анализа соответствующих сюжетов античной мифологии. Сказания о Hesperia, о быках Гериона, которые похищаются Гераклом на далеком Западе, о Тартессе, сведения о котором приобретают даже некоторую историческую достоверность, наконец, прекрасный, по всей вероятности, один из поздних, миф об Атлантиде дают в руки историка такой материал, который позволяет судить, по крайней мере, о том, как Испания рисовалась в античной легенде, в народных сказаниях греков той поры, когда они судили о далекой иберийской цивилизации лишь на основе туманных сведений и полуфантастических рассказов. Поэтому, прежде чем заступ археолога коснется почвы Иберийского полуострова в поисках Тартесса или критика и анализ в исследовании ученого историка коснутся данных античных авторов (Стесихор, Геродот, Авиен, Страбон, Аппиан и т. д.), необходима предварительная сводка и систематизация того своеобразного материала, недостатком которого вряд ли можно считать то, что он нам рисует не историческую Испанию, а всего лишь Испанию в античной легенде.

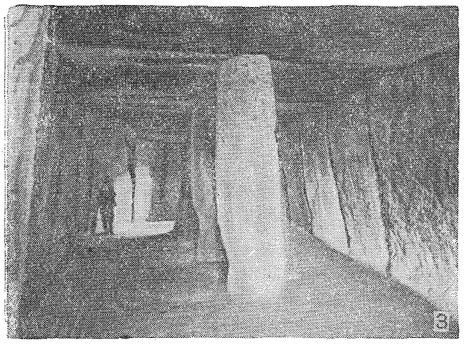
III

Изучение истории Иберии, возникновения испанской культуры в глубокой древности вступает на более прочное основание, когда историк знакомится с памятниками материальной культуры Пиренейского полуострова и анализирует исторические сведения о народах этого полуострова у античных авторов.

Памятники материальной культуры древней Испании в настоящее время собраны в большом количестве и ждут еще своего исследователя. Ниже в статье т. Петерса дается краткая сводка этого материала, поскольку последний относится к Иберии до железного века. Задачей советского историка античности является ознакомление с материалом и исследова-

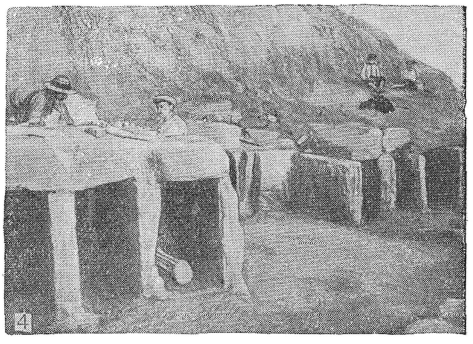

Табл. 1. Мегалитические сооружения в древней Испании (дольмены), рис. 1—5.

ние в отношении последующих эпох, поскольку именно систематическое прослеживание всех фаз развития материальной культуры в Испании только и может восстановить перед нами эволюцию народов Иберии, возникновение их культуры, борьбу их за свою независимость.

Здесь нет места для обозрения основных групп памятников материальной культуры древней Испании. Обстоятельные сводки этого материала можно получить в исторических трудах известных испанологов (Paris, Bosch-Gimpera, Mélida, Schulten и др.). Во многих случаях этот материал хотя и систематизирован, но продолжает оставаться формальной сводкой испанских древностей, сырым материалом, требующим еще большой работы археолога и, в особенности, историка. В таком виде находится и материал, прекрасно, правда, подобранный, но для каких-либо исторических выводов почти совершенно нетронутый историком, в книге José Mélida «Arqueologia Española». Мы считаем необходимым ознакомить советского читателя с краткой выборкой основных образцов памятников древней Испании, пользуясь публикациями Хозе Мелиды, ибо даже для самого беглого и краткого знакомства с источниками культуры народов Пиренейского полуострова совершенно невозможно обойти некоторые типичные и фигурирующие в науке как к л а с с и ч е с к и е археологические памятники.

Ниже мы приводим семь групп этих археологических памятников, причем при подборе и составлении этих групп приходилось исходить, главным образом, не столько из соображений хронологии и типов представленных этими памятниками эпох в развитии Испании, сколько из характера самих этих памятников, их внешних признаков и единства назначения их в социальной жизни. Такой более упрощенный подбор памятников облегчает восприятие и понимание их.

По памятникам материальной культуры античная Испания может быть изучена и представлена наглядно и в технике, и в типах ее различных сооружений, и в искусстве, начиная с эпохи древнекаменного века и вплоть до римской эпохи, когда эта страна стала римской провинцией (после Пунических войн).

Первая таблица знакомит нас с мегалитическими сооружениями на Пиренейском полуострове. Как известно, большое количество кромлехов и дольменов зарегистрировано на территории современной Португалии. Но их много имеется и в других местах полуострова, например в Каталонии, Наварре и Васконгадасе. Рис. 1 (табл. I) дает нам замечательный экземпляр дольменов Vallgorquina (Barcelona); рис. 5 представляет типичный для района Португалии, а также Саламанки и Эстрамадуры вид дольмена, зафиксированный в Valencia de Alcántara (Cáceres). На рис. 2 и 3 дается исключительный образец дольменов четырехугольных—дольменов типа «Cueva de Menga» в районе Малаги (вход и вид внутри). Несколько отличен от этих сооружений некрополь в Гадесе (Кадикс), относимый обычно к V в. до н. э. (рис. 4). Наконец, рисунок № 5а представляет современные остатки больших каменных сооружений древности (некрополей) в районе Гвадалахары (Luzaga).

На табл. 2 приводятся образцы кладки и стенных сооружений в древней Испании. Циклопическая кладка стен, по характеру своему напоминающая постройки Микен, Тиринфа в Арголиде, представлена примером кладки акрополя в Таррагоне (рис. 6). Большие камни уложены неровно, без связывающего раствора, с пространством между каменными глыбами, заполненным обычно мелким камнем.

На рис. 7 перед нами остатки сооружений для жилья несомненно туземного происхождения, хотя здесь удается проследить и следы римского влияния техники стенной кладки.

В какой степени иберийская техника стенных сооружений

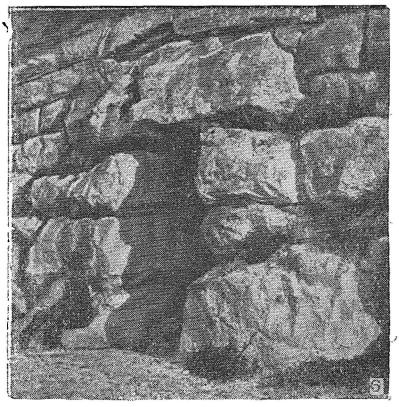
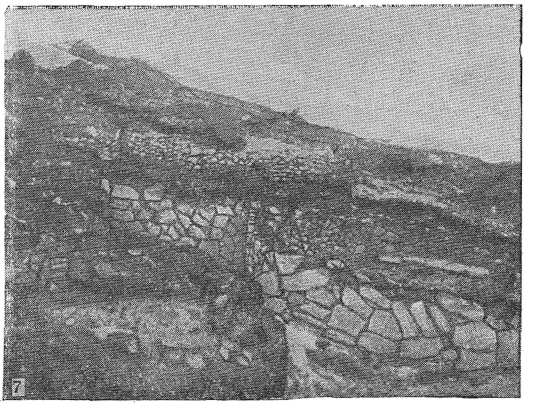
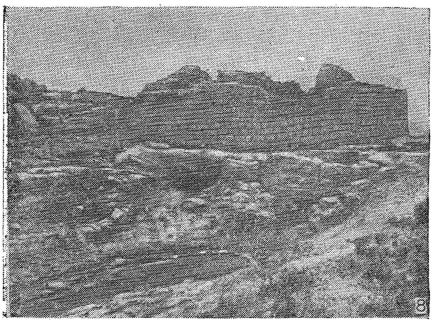
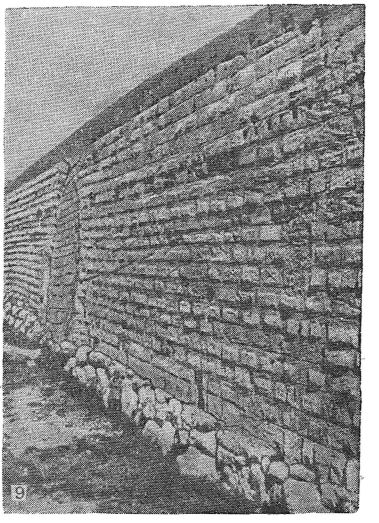
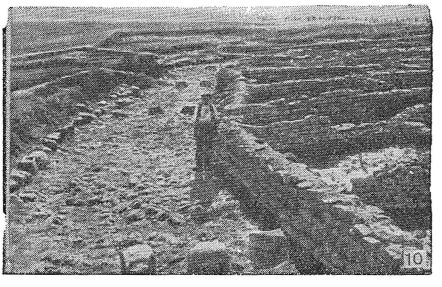

Табл. 2. Образцы стенной кладки и стенных сооружений от мегалита до римской эпохи, рис. 6—10.

прогрессировала, дает представление рис. 8, где показаны стены иберийского поселения в пров. Теруэль (San Antonio de Calaceite); в процессе раскопок здесь удалось установить наличие иберийской керамики (о чем ниже).

Более оригинальна стена на рис. 9, которая находится в Таррагоне и относится в основном к римской эпохе. Но циклопическая кладка основания стены, а также высеченные на них буквы иберийского алфавита говорят за первоначальную древность ее и последующую достройку возможно (как это полагает Мелида) в эпоху Сципиона.

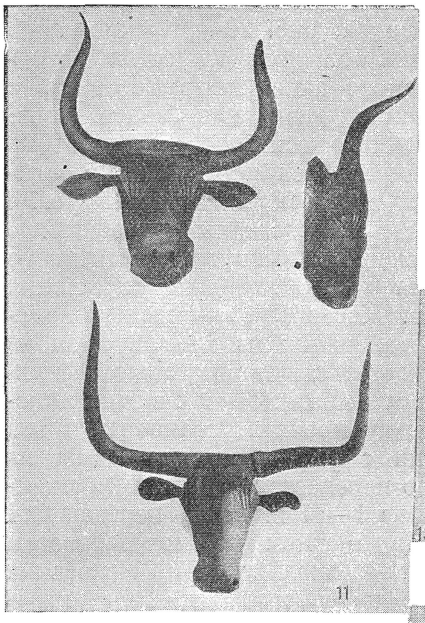
Наконец, на рис. 10 представлены остатки построек в Нуманции, открытые раскопками Шультена. В этом городе имеются и следы циклопической кладки и стенных сооружений равными рядами с заполнением пространств камнями, глиной; большое количество этих сооружений говорит о больших достижениях строительной техники древних иберов.

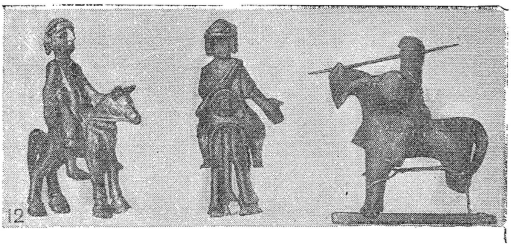
Табл. 3 показывает уровень древнеиберийского ремесла и, в частности, предметы тогдашнего вооружения. На рис. 11 показаны находки 1894 г. в Костиге (Costig; Mallorca) трех голов быков из бронзы, причем первые две—в натуральную величину. Отделка этих голов указывает на довольно высокий уровень металлического ремесла. Бронзовые фигурки на рис. 12 изображают иберийских воинов-всадников в характерном одеянии, со щитом и вооружением. Последнее частично представлено на рис. 13 (кельтиберийские кинжалы—Нуманция) и на рис. 14 (иберийские сабли—falcata); и эти предметы вооружения иберийского воина также указывают на наличие развитой техники получения хорошо закаленной стали (для сабель) и работы по металлу. Столь же характерные предметы древнего ремесла могут быть прослежены и на предметах вооружения, найденных при раскопках некрополя близ Сигуэнцы (рис. 15). Как эволюционировало испанское искусство работы по металлу в позднеримский период, показывает рис. 15а. На нем представлено серебряное блюдо («Диск Феодосия») с изображением Феодосия и его наместника в группе воинов в характерном для Испании вооружении и одеянии. Памятник этот найден в Амендралехо (Бадахос) и датируется 393 г. н. э.

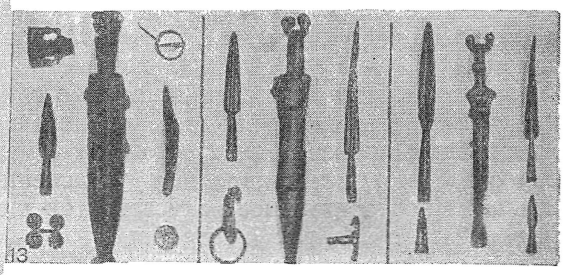
На табл. 4—предметы керамического производства. Типичные иберийские сосуды со своеобразной вазописью спиральной линией представлены на рис. 16. На следующем рис. 17 даны финикийские сосуды с острова Ибиссы, то же на рис. 18. Изучение туземной и привозной керамики в Испании—одна из важнейших задач исследования.

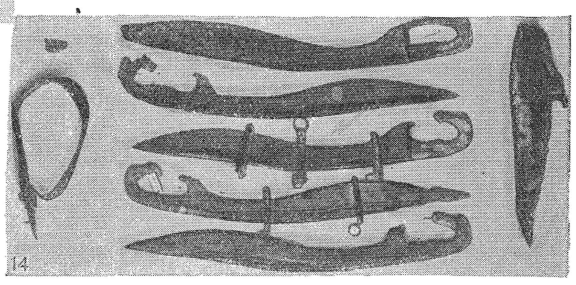
На табл. 5 представлены шедевры искусства древнеиспанской скульптуры. На рис. 20 перед нами знаменитая скульптура женской фигуры с вазой из Сиерро де Лос Сантос. Подлинно изумительным памятником иберийского искусства является знаменитая «Дама из Эльче» (рис. 21), по поводу которой велась большая полемика, является ли она местным производством иберов или сделана рукой греческого мастера (см. об этом R. Carpenter—The Greeks in Spain, p. 57—96). Период греческой колонизации отражен в памятниках (рис. 22—скульптура Геракла из белого мрамора, пров. Хаэн и рис. 23—статуя Асклепия, найденная в Ампурионе и считающаяся аттической работы V в. до н. э., см. R. Carpenter, op. cit., p. 57—96). К этому же типу скульптур относится и мраморная фигура Гермеса (рис. 23-а), как образец классического искусства Испании, с явными следами греческого влияния и греческих форм. Несколько особняком стоят скульптуры священных быков, культ которых у иберов, повидимому, был сильно распространен (рис. 19). Таких фигур быков очень много; на рисунке даны те, которые расположены у моста в Авиле.

Табл. 6 воспроизводит памятники архитектурных сооружений Испании уже в римскую эпоху, когда римские мотивы просачиваются

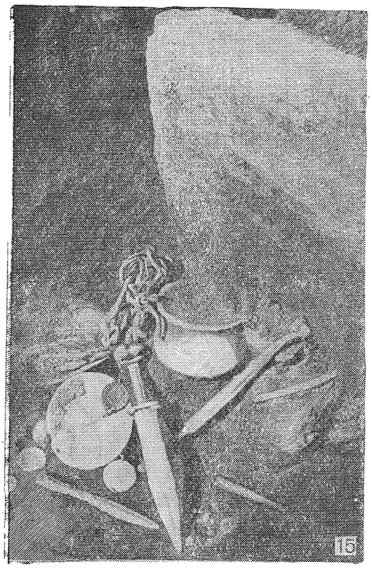

Табл. 3. Металлическое ремесло (предметы вооружения и бронзовые фигурки людей и животных), рис. 11—15а.

очень сильно в искусство, в скульптуру и архитектуру, и доминируют, по крайней мере, в городах в городских сооружениях, арках и театрах (рис. 25—римская арка, пров. Copia; рис. 26—римская арка, Таррагона; рис. 28—остатки римского амфитеатра, Мерида; рис. 29—римский театр в руинах, Мерида), акведуках, требовавших большого искусства в строительной технике (рис. 27—остатки римского акведука в Сеговии), и мавзолеях (рис. 24—мавзолей римской фамилии Атилиев в Садабе, пров. Сарагосса). Если по вполне понятным историческим обстоятельствам римское влияние было сильно в архитектуре древней Испании, то в области художественного ремесла и изобразительного искусства иберы смогли отстоять свое творчество, свои независимые, самостоятельные мотивы.

На табл. 7 представлены предметы древнеиспанского художественного ремесла и изобразительного искусства. На рис. 30 женские украшения иберийской работы из клада Алиседа, пров. Касерес, 31—браслет, золотая диадема и другие детали женского украшения из золота, клад из Хавеи, пров. Аликанте. Эти памятники свидетельствуют не только о филигранной работе испанских мастеров, но и о туземных мотивах в этих художественных произведениях, что легко, между прочим, установить путем сопоставления представленных украшений с украшениями «Дамы из Эльче». Изобразительное искусство хорошо передается на рис. 32 (чеканная работа с золотой инкрустацией, рельеф I—II в. н. э., передающий сюжет из мифологии); 35 (мозаика, открытая в одном из домов Сарагоссы и изобажающая триумф Вакха; датируется эпохой Августа); 33 (мозаика с художественным выполнением сюжетов из мифологии); 34 (рельеф христианского саркофага IV в. н. э. с библейским мотивом, хорошей работы и со следами полихромии). Данные памятники интересны тем, что свидетельствуют об эволюции изобразительного искусства в позднюю эпоху античности.

Таковы основные памятники материальной культуры интересующей нас эпохи в истории Испании. Несмотря на ограниченный вещественный материал, приведенный в настоящей статье, он, однако, достаточно показывает своеобразие материального производства, уровень техники и особенности мотивов в ремесле и искусстве древней Испании. Исследователь, знакомящийся с источниками интересующей нас культуры, не может притти к сколько-нибудь авторитетным и значительным выводам без учета и анализа этих вещественных памятников. Поэтому нашей следующей задачей в исследовании древней Испании является публикация еще большего собрания памятников материальной культуры.

Неменьшая задача заключается в изучении литературных свидетельств древности. Античные авторы Авиен, Страбон, Аппиан и др. оставили нам большое литературное наследство об Иберии, об ее истории и культуре. Здесь мы находим и географическое описание, и этнографический очерк народов этого полуострова, и гражданскую историю формирования иберийской цивилизации, и историю героической борьбы древних испанцев за свою независимость против чужеземных вторжений, главным образом, римлян. В науке до последнего времени эти данные не были сведены, но теперь в основном эта задача выполнена в связи с изданием упоминавшегося свода источников по Испании «Fontes Hispaniae Antiquae». Несмотря на незаконченность этого свода документов, значение его исключительно, и для исследования он является отправным пунктом научной работы по интересующему нас вопросу.

В настоящем приложении к «Вестнику Древней Истории» мы публикуем выборку основных литературных свидетельств о древней Испании, тем более необходимых, что они или совсем не выходили в русском переводе или издавались очень давно—более 70 лет назад (переводы Плутарха

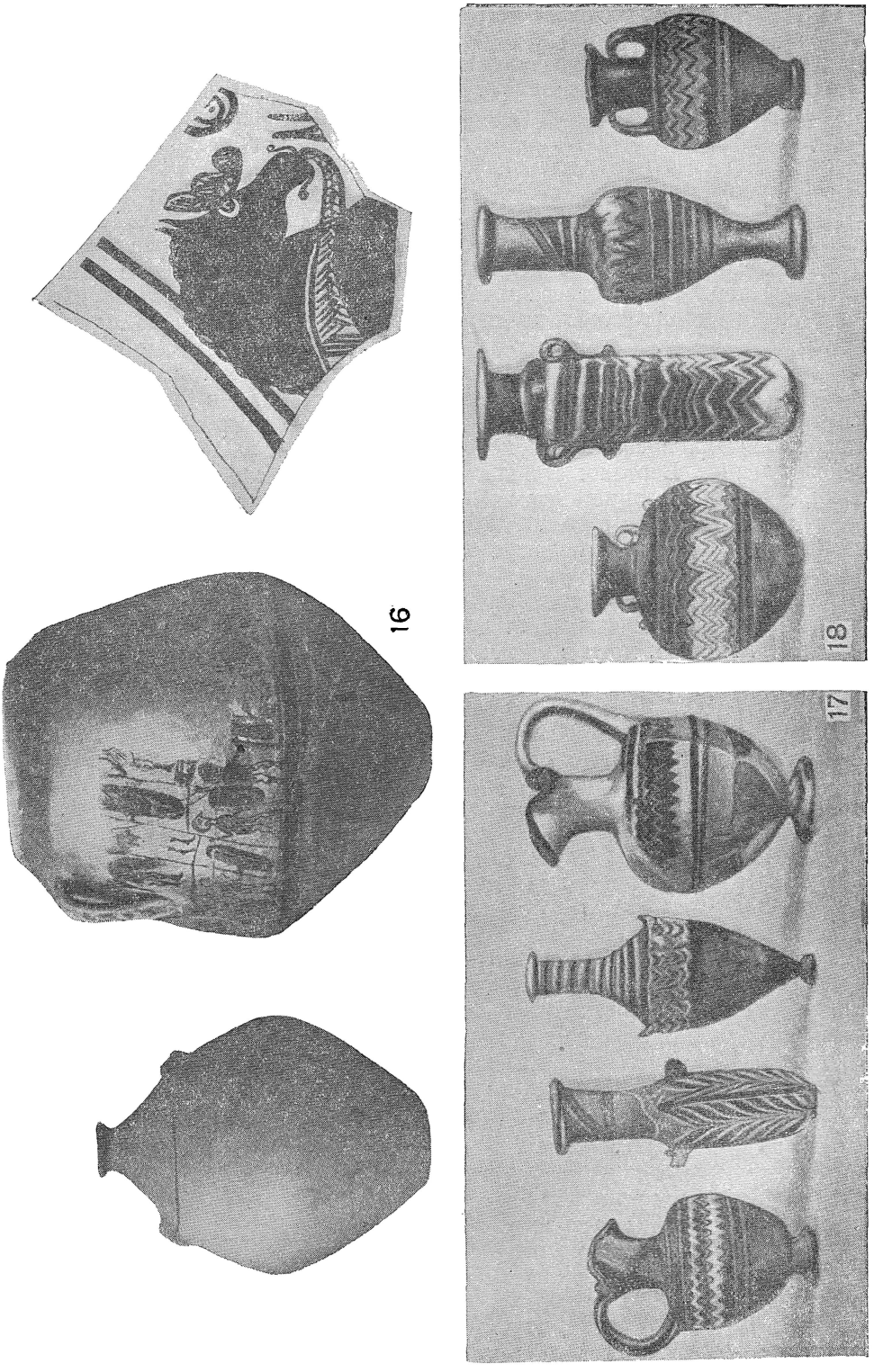

Табл. 4. Иберийская и финикийская керамика в Испании, рис. 16—18.

и Страбона). Авиен («Ora maritima») и Аппиан («Iberica») предлагаются советскому читателю впервые на русском языке, а переводы третьей книги «Географии» Страбона и «Сертория» Плутарха даны хотя и в старом переводе, но со значительными изменениями в связи с новой сверкой их с текстом, произведенной С. П. Кондратьевым. Размеры и без того разросшегося приложения не позволили привести здесь главы из Полибия и отдельные извлечения из Т. Ливия, во многих случаях столь же важные, как и публикуемые источники по античной Испании.

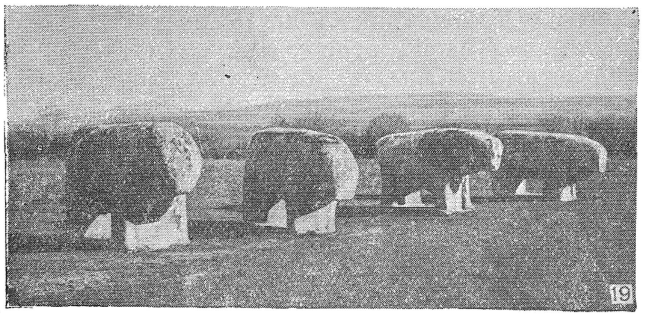
Руф Фест Авиен—автор IV в. н. э. Будучи одно время проконсулом в Бетике, он заинтересовался Испанией и дал описание ее побережья в дошедшем до нас произведении «Ora maritima», которое, несомненно, восходит к какому-то более древнему источнику, лежащему в основе всего стихотворного повествования Авиена. В европейской науке произведение Авиена публиковалось неоднократно и исследовалось рядом ученых конца XIX и XX в. Из всех этих работ должно быть выделено исследование А. Шультена, который опубликовал текст Авиена с обширными комментариями в первом томе «Fontes Hispaniae Antiquae» в 1922 г. Другой и самой последней работой по Авиену является издание текста этого античного автора с соответствующими справками и замечаниями французского ученого Бертело, стоящего на противоположных Шультену позициях, как по интерпретации источников Авиена, так и по более широким историческим выводам. На этих взглядах Бертело мы еще остановимся ниже, а сначала дадим характеристику теории Шультена об источниках Авиена.

Географов, которыми Авиен мог пользоваться в своем описании испанского побережья, насчитывается до 11, о чем можно заключить из предисловия Авиена, хотя в самом тексте единственно дошедшей до нас первой книги Ora maritima упоминаются только четыре (Эвктемон, Скилакс, Дамаст, Филей).

Шультен, разбирая текст Авиена и диференцируя ранние его части и позднейшие наслоения, выставляет теорию, что в основе «Ora maritima» лежит некий древний источник, по Шультену «Перипл массалиота VI в. до н. э.». «Кажется абсурдным,—говорит Шультен,—что автор IV в. н. э. использует для описания берегов Испании авторов почти на 900 лет более древних, чем он, но, может быть, это объясняется тем, что прежде тем более почитались вещи, чем они древнее были. Авиен и его друзья писали, как говорит Симмах, libris veterum ruminandis»[1].

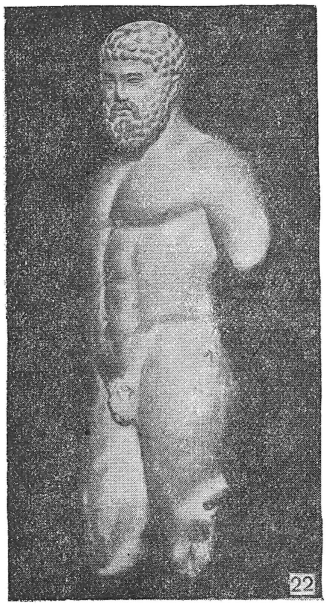
Для доказательства своей теории Шультен приводит следующее: 1) Массалия и Тартесс являются главным содержанием «Перипла»; 2) путь «Перипла» от Массалии до Тартесса был тем, которому следовали обычно массалиотские мореплаватели в поисках серебра и олова. Именно в связи с этим упоминаются и массалиотские колонии Майнака и Гемероскопейон; 3) соответствует «Периплу» факт абсолютного умолчания о карфагенянах; упоминание их в тексте Авиена является самостоятельной его вставкой. Таким образом, всё изложение «Ora maritima» комментатор Авиена склонен рассматривать как такое описание испанского побережья, которое мог сделать, во-первых, только м а с с а л и о т, а, во-вторых, именно в конце VI в. до н. э. Шультен даже называет точно дату «Массалиотского Перипла»—530 г. до н. э. Данная датировка принимается Шультеном на основании аргументации terminus ante quem et terminus post quem. В тексте Авиена нет совершенно умпоминаний об Emporion'e, который был, как известно, значительной массалиотской колонией, основанной, по обычной датировке, около 525 г. до н. э. Следовательно, «Массалиотский

[1] «Fontes Hispaniae Antiquae», p. 5.

19

21

20

22

23

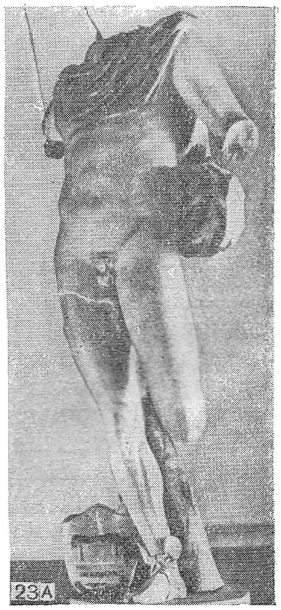

23A

Табл. 5. Древнее искусство Испании в скульптуре, рис. 19—23.

Перипл», лежащий в основе «Ora maritima», был написан до 525 г. до н. э. Emporion—это terminus ante quem. Но, с другой стороны, это не могло быть до известной битвы при Алалии, т. е. 537 г. до н. э., ибо эта битва, установившая господство финикийцев и этруссков в районе южной Испании, уже затруднила плавание и закрыла массалиотам путь в Тартесс. Упоминание в «Массалиотском Перипле» Тартесса и Гадеса говорит, по мнению Шультена, за то, что этот «Перипл» был написан именно вслед за битвой при Алалии, столь выдвинувшей значение Гадеса и постепенно отодвинувшей навсегда Тартесс. Тартесс и Гадес—это terminus post quem, ибо во времена Авиена Тартесса уже не существовало.

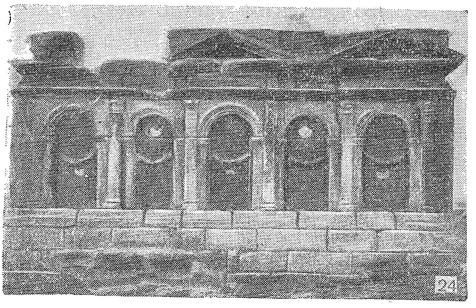
Противоположная точка зрения сформулирована совсем недавно, в 1934 г., французским ученым Бертело, давшим новое издание Авиена и вопреки Шультену иную установку для изучения источников «Ora maritima». (Festus Avienus «Ora maritima». Édition annotée, précédée d'une introduction et accompagnée d'un commentaire par A. Berthelot. Paris. 1934). См. рецензию Constans в «Revue des études anciennes», XXXVII, № 2, Avr.—Juin, 1935.

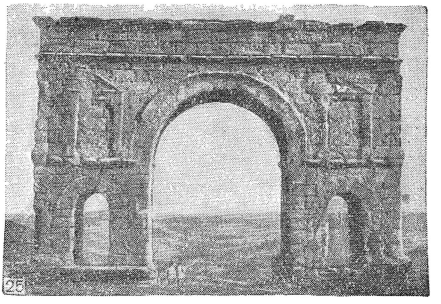
С точки зрения Бертело теория Шультена—чистый роман (un pur roman), столь же мало доказывающий что-либо реальное, как и теория Эрика Кюстермана, см. «Hermes», 1933, S. 472, который весьма находчиво доказывает, что Авиен мог заимствовать сведения о южных городах Испании у мавританского царя Юбы. Историческая критика ничего не выигрывает от нагромождения гипотез без всякой проверки. Именно проверки-то такие гипотезы и не выдерживают. В этой проверке надо исходить из тех самых упоминаний географов и историков, которые имеются как раз в тексте Авиена, а не из «Массалиотского Перипла», о котором ни у Авиена, ни у какого-либо другого античного автора совершенно нет и следа. Бертело, несомненно, прав в том, что только упорством предвзятой мысли объясняется попытка Шультена отнести к единой группе источников, даже к единому «Периплу», основную нить содержания всего произведения Авиена. Сведения Авиена древни, но они не восходят к какому-либо одному источнику. Это, конечно, ни в какой мере не снимает вопроса об источниках, лежащих в основе Авиена, но и одновременно предостерегает нас от увлечений в разрешении этой проблемы разными непроверенными и недоказуемыми гипотезами. В этом отношении Авиен нуждается в дальнейшем исследовании.

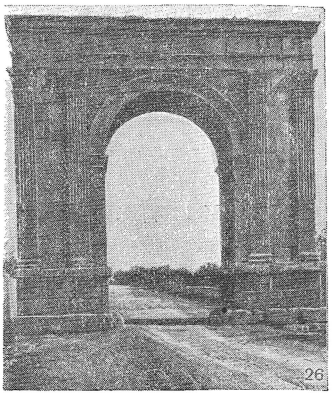
Другой литературный источник, весьма ценный для изучения древней Испании,—это Страбон, третья книга его «Географии».

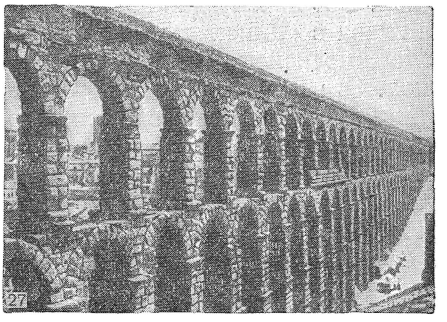
Страбон—автор I в. н. э. Этот автор, авторитет которого как географа древности исключителен, дал нам наиболее подробное описание Иберии. Проблема источников этого произведения менее остра, чем в отношении произведения Авиена, но она также не может быть недооценена. Шультен, как и большинство ученых, определенно заявляет, что в основном Страбон исходил, главным образом, из данных Эратосфена и Посидония, а также географа Артемидора, историка Полибия и др., на многих из них Страбон сам ссылается в своей «Географии». Из целого ряда мест Страбона в описании Иберии видно, что, повидимому, Посидоний был одним из главных источников. Например, длина Пиренеев (3 000 стадий) дается Страбоном прямо по Посидонию. Но было бы также неправильно всё разнообразие географических и исторических сведений, которыми пользовался Страбон, сводить к какому-либо одному источнику. (О Страбоне см. RE под соответствующим словом, а также оценку сведений по Иберии в статье Шультена под словом «Hispania», S. 1969—1970.)

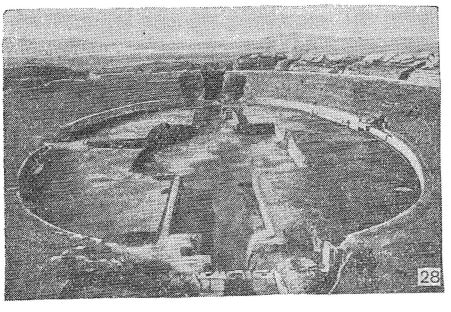
Что касается содержания «Описания Иберии» Страбона, то оно сводится к весьма разнообразным сведениям. В первой главе дается понятие о

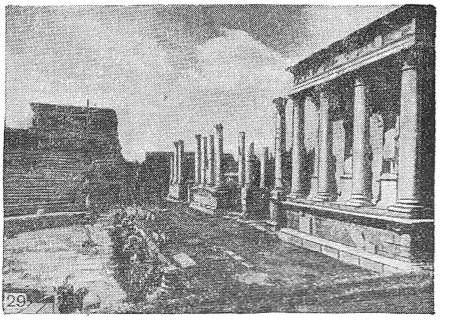

Табл. 6. Испанские сооружения и их архитектура в римскую эпоху, рис. 24—29.

размерах страны, ее общей географии и приводятся ранние мифологические сказания об ее особенностях. Эта прелюдия к древнейшей истории Испании подводит во второй главе уже к конкретным сведениям об отдельных областях, из которых первой, повидимому наиболее древней и особо известной в древности, являлась Турдетания, которой Страбон посвящает всю вторую главу. Обилие металлов, особенно серебра, плодородие земель Турдетании, связь ее с древнейшим центром Тартессом, множество передававшихся тогда сказаний об этой области заставляют автора «Географии» посвятить ей одну из самых значительных глав при описании Испании.

В третьей главе описывается область Лузитания, с ее географическими особенностями, бытом и нравами ее обитателей лузитан, суровых по характеру и одного из самых неустрашимых племен иберов.

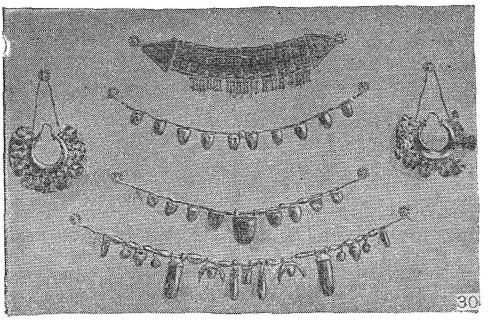
Четвертая глава дает описание остальной Испании: это—кастильское плоскогорье, южное побережье Испании, район реки Эбро, главнейшие города тогдашней Иберии—Нуманция, Новый Карфаген, Сагунт и т. д.— необычайно пестрое население всего этого района вплоть до Пиренеев. Как известно, после Пунических войн этот район раньше всех был оккупирован римскими войсками, борьба испанцев была здесь наиболее ожесточенной. Вот почему данная глава также одна из наиболее полных. Последняя глава в «Описании Иберии» отводится Страбоном островам, лежащим около Пиренейского полуострова, главным образом у южного его побережья. Эта глава интересна тем, что дает понятие о том, как проходила ранняя колонизация Испании, заселение островов и возникновение там древней культуры.

Все эти сведения Страбона должны стать отправным пунктом при исследовании древнеиберийской культуры.

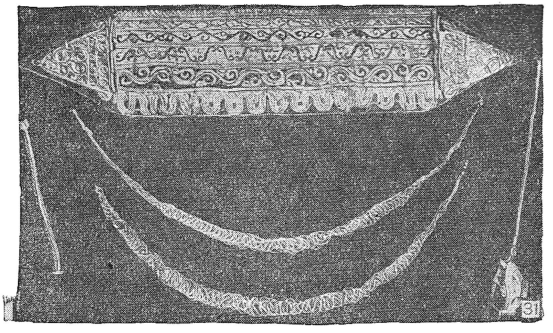
После Страбона другим по значению источником является Аппиан, его описание испано-римских войн. Еще до сего времени в науке остается открытым вопрос об источниках этого произведения Аппиана. Имеется целый ряд предположений, что этот автор II в. н. э., занимавший видные римские должности, пользовался, повидимому, рядом источников, которые ему как римскому магистрату могли быть доступными и на греческом и на латинском языках. В русской литературе прекрасная статья об Аппиане, характеристика его произведений и возможных источников, лежавших в основе этих произведений, принадлежит перу акад. С. А. Жебелева, издавшего, как известно, впервые на русском языке перевод «Гражданских войн» Аппиана под своей редакцией («Известия ГАИМК», вып. 129, Соцэкгиз, Ленинград, 1935).

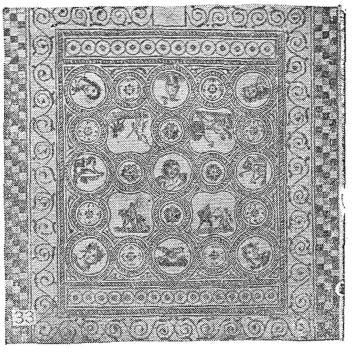
В предлагаемых также впервые в русском переводе «Испано-римских войнах» Аппиан подходит к повествованию не менее своеобразно, чем и в «Гражданских войнах». Если в последнем отделе «Римской истории» Аппиан более всего руководствуется выбором значительных фактов, отбором их для показа основных событий, то в других ее отделах автор руководствуется уже этническим принципом и распределением материала вокруг борющихся партий и их вождей. С одной стороны, в этих отделах находит, таким образом, себе место изложение истории Галлии, Испании, Сирии и др., а с другой стороны, здесь есть книги, посвященные Ганнибалу, Митридату и др. При этом следует отметить, что не все отделы этого произведения до нас дошли.

«Испано-римские войны» представляют большой интерес для каждого, кто интересуется процессом римской оккупации в связи с Пуническими войнами и борьбой испанских племен за свою независимость, поскольку Аппиан рисует прекрасные картины героической эпопеи борьбы испанцев против римского владычества в лузитанской войне Вириата, в кельтиберийской войне и при осаде Нуманции и доходит при этом до восстания

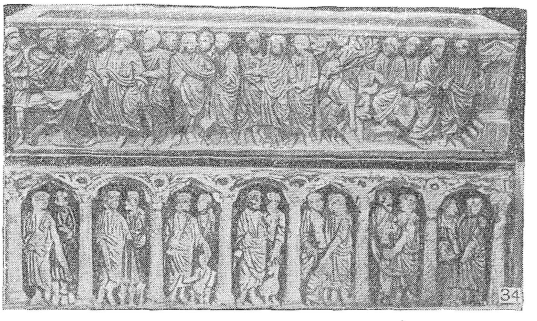

Табл. 7. Украшения из золота и позднее изобразительное искусство, рис. 30—35.

Сертория в Испании в 80—71 г. до н. э., что, однако, Аппиану не удается развернуть столь же обстоятельно, как предшествующие события истории древней Испании. Значение этих данных, как и отдельных недостатков сведений и путаницы у Аппиана, подробно разобрано особенно у Гофмана в его диссертации «О войне Вириата и Нумантийской» (Hoffmann, De Viriathi Numantinorumque bello, Grieswald, 1865) и у Шультена, как в его статье об Испании (RE, Hispania), так и в специальной статье о Вириате («Neue Jahrbücher für d. klassische Altertum u. Geschichte...» B. XXXIX, XL, 4 Heft, 1917).

Несмотря на отдельные недостатки и неточности, отмечаемые у Аппиана вышеназванными учеными, его «Испано-римские войны» являются исключительным по значению источником, в особенности по таким вопросам, как война Вириата и осада Нуманции. Невознаградимая утрата истории Нумантийской войны Полибия в известной степени компенсируется Аппианом, без упомянутого произведения которого нельзя браться ни за Вириата, ни за Нуманцию.

Наконец, последним из предлагаемых советскому читателю источников по Испании является Плутарх, его жизнеописание Сертория. [1]

Шультен в своей монографии «Sertorius» (Leipzig, 1926) полагает, что в данном жизнеописании Плутарха источником мог служить Саллюстий, этот, по выражению Шультена, «первый и последний серьезный римский историк». Этим вопросом в свое время занимались Петер (Peter, Quellen Plutarchs, in den Biographien der Römer, S. 61), Бенковский (Bjenkovscky—De fontibus et auctoritate scriptorum historiae Sertorianae. Denkschriften der Krakauer Acad. d. Wiss., I, 1890, S. 60) и Шталь (Stahl—De bello Sertoriano, Erlangen, 1907). Все эти ученые указывают на множество чисто дословных совпадений с описанием Сертория в «Истории» Саллюстия. Остается только вопрос, пользовался ли Плутарх Саллюстием непосредственно или из вторых рук. Переработка Саллюстия в жизнеописании Плутарха сквозит совершенно явно как в повествовании, так и в отдельных указаниях на факты и события, почти в точности совпадающие с Саллюстием даже в их оценке.

Дошедшие до нас фрагменты «Истории» Саллюстия (Maurenbrecher «Historiae» I, fr. 84—126; II, fr. fr. 28—35; 57—70; 88—98; III, fr. fr. 45—46; 81—89; Leipzig, 1891), посвященные Серторию, истории его восстания в Испании, сходятся с Плутархом и в положительной оценке Сертория. Наконец, исследования Петера об источниках Плутарха в жизнеописаниях Лукулла, Красса и Помпея (Peter «Quellen Plutarchs»... S. 106, 112, см. также Maurenbrecher I, 41) не оставляют никакого сомнения, что эти биографии Плутарха восходят к Саллюстию; остается открытым лишь вопрос, опирается ли Плутарх на Саллюстия непосредственно или через других авторов.

Из всех дошедших до нас материалов античных авторов по вопросу о восстании Сертория, единственным по полноте и охвату исторического события,—значение которого вряд ли может быть недооценено как в отношении социальной истории Рима, так и в особенности древней Испании,—остается Плутарх, его жизнеописание Сертория. И при всех недостатках этого автора как моралиста и ритора при изучении этого события отправным пунктом при нашем настоящем состоянии документации продолжает, несомненно, оставаться автор жизнеописания Сертория.

[1] В основу помещаемых в приложении переводов литературных источников по древней Испании положены следующие издания: Avieni Ora maritima—Fontes Hispaniae antiquae, ed. Schulten et Bosch Gimpera. Вып. I; Strabonis Geographica—изд. Meineke; Appianus—изд. Mendelsohn'a, opera omnia, vol. I; Plutarchi biographia—изд. Bernardakis—Ziegler.

Таковы основные авторы, сведения которых по древней Испании нами выделены, как наиболее полные, законченные и отображающие в самой компактной форме на ряду с историко-географическими данными, полные социального драматизма события из истории древней Иберии, ее борьбы за свою независимость против римского владычества.

Самые разнообразные источники—от античной мифологии и литературы вплоть до вещественных памятников материальной культуры и искусства древних иберов—должны быть поставлены на службу научным изысканиям по вопросу, столь мало еще обследованному в исторической науке. Нечего говорить, что к имеющемуся материалу, размеры которого увеличиваются почти с каждым годом, прибавится еще новый, когда удастся расшифровать иберийские письмена. И тогда исследователь получит те живительные соки, которые дадут ему возможность представить иберийскую культуру во всем ее своеобразии и полноте.

В истории Испании были периоды иноземного порабощения и периоды героической борьбы за независимость; многие ее страницы буквально наполнены страданиями испанского народа в борьбе за право распоряжаться своей собственной судьбой. Поэтому естественно, что история испанского народа в прошлом не может не призывать его на дальнейшую борьбу за свою независимость.

Вся история героического испанского народа в прошлом говорит за то, что ему безусловно удастся одержать победу и вступить в число передовых и прогрессивных стран мира.